

Среди клубов дыма и пыли серебряный свет вспыхнул, словно девятинебесный громовой раскат.

Несущий в себе сокрушающую небеса мощь, он за одно мгновение заставил содрогнуться землю и небо.

Серебряное сияние еще не угасло, как парадный белый конь прорвался сквозь тучи; в ослепительных серебряных доспехах, с серебряным копьём в руке, которое разило подобно молнии, всадник ворвался в самую гущу битвы сотен тысяч воинов, словно на ничейную землю.

Взмах копья — и брызжет кровь.

Вслед за этим раздаются стоны и крики, но они тут же тонут и обращаются в пыль среди грохота сражения.

Дон! Дон! Дон!

В городе Бэхай внезапно загремели боевые барабаны, их гул пронёсся сквозь туман войны на многие ли.

— В атаку!

Воины издали яростный рев и ринулись на врага из распахнутых воротных створок.

Ярость и боль осажденного города — даже если сегодня стены падут, они будут сражаться до самого конца!

Взявшись за оружие, мужам не пристало жить в бесчестии; они желают лишь пасть на поле боя, завернувшись в конские шкуры, сражаясь за город, сражаясь за народ, сражаясь за самих себя!

Над девятью небесами сомкнулись плывущие облака, и лучезарное солнце внезапно прорвало небесный полог! Оно пролило мириады сияющих лучей, навеки запечатлев эту кровавую бойню! Войдя в летописи и оставшись на страницах древних книг!

Звон скрестившегося оружия, сметущий всё на своем пути бурный размах, промелькнувший серебряный силуэт на скачущем коне, длинное копьё Яцзяо — куда ступали копыта коня, там оставались лужи горячей крови, обогравшей поле брани!

Чжао Юнь отбил несколько преградивших ему путь алебард, и на воинов, державших их, обрушилась тяжесть целой горы — удар с такой силой сбросил их на землю, где они покатались вместе со своими алербардами. Следом он издал громкий клич и ворвался в ряды

врагов, разя военачальников; копьё Яцзяо разило наотмашь навстречу ветру, и каждый, кого оно касалось, расставался с душой и цепенел от ужаса.

Когда Чжао Юнь поступил на службу к Гунсунь Цзаню, Лю Бэй и Тянь Кай уже прибыли в Цинчжоу. До него доходили лишь слухи о том, что вскоре под началом Гунсунь Цзаня появится молодой и свирепый военачальник, которому едва исполнилось восемнадцать.

И вот сегодня Лю Бэй впервые воочию увидел Чжао Юня.

Перед стенами Бэхая, среди хаоса битвы этот человек, одинокий всадник с одним копьём, обратил Желтые Повязки в бегство и заставил их трепетать от страха. Сколь же величавым было его обличье, сколь же доблестным и сколь ослепительным!

В мгновение ока на всем поле боя в поле зрения остался лишь он один.

Лю Бэй повернулся вбок и спросил Го Цзя:

— Тот человек — и есть Цзилун?

Го Цзя неопределенно бросил на него взгляд:

— Именно так.

Лю Бэй звонко рассмеялся:

— Идэ, почему ты до сих пор не спешишь на помощь Цзилуну?

Чжан Фэй вытаращил глаза, похожие на медные колокольца, волоча за собой Змеиное Копьё Длинной в Чжан и Восьмой Цунь, издал громоподобный рев, и черная тень, подобная вихрю, мгновенно ринулась на поле боя.

— Цзилун, я иду тебе на помощь!

Гуань Хай отступил, пустившись в паническое бегство.

Он явился сюда, исполненный боевого духа, рассчитывая на то, что канцлер Бэхая Кун Жун — вовсе не тот человек, что способен выдержать серьезную битву; он полагал, что захватить Бэхай удастся за считанные часы.

Кто бы мог подумать, что неизвестно откуда возьмется какой-то безымянный юнец, который уже много дней преграждает ему путь у стен города, и как бы он ни атаковал, Бэхай никак не

удается взять.

А теперь к неприятелю добавился еще и Лю Бэй.

Гуань Хай сжал зубы и яростно бросил:

— Отступаем.

В городской управе Бэхая Кун Жун, дрожа от страха, провел в тревоге несколько дней, но наконец смог вздохнуть спокойно.

С фальшивой улыбкой на лице Кун Жун встретил Лю Бэя у порога:

— Сегодня мы обязаны спасением нашего города лишь государю Лю, который подоспел вовремя.

— Канцлер Кун преуменьшает. Раз уж канцлер направил людей лично пригласить Лю Бэя, я, Бэй, конечно же, должен был явиться.

— Направил людей?

Кун Жун обвел взглядом присутствующих — все остальные лишь покачали головами, выражая полное недоумение.

На лице Кун Жун застыло абсолютное непонимание. Лю Бэй заметил это, и уголки его глаз, тронутые лучиками улыбки, в глубине души сменились холодком.

Кто бы мог подумать, что его попросту обманули.

Ну и ладно, пусть так.

Если подумать, тот человек просто слишком хорошо угадал его сокровенные помыслы, раз применил столь действенную хитрость.

При мысли об этом человеке уголки губ Лю Бэя сами собой приподнялись.

— Ха-ха, Бэй только что на поле боя видел генерала на белом кону — столь доблестного и искусного в бою. Почему же сейчас его не видно?

В резиденции собрались ученые мужи и военачальники, но среди них Лю Бэй не увидел одного

лишь Чжао Юня.

Кун Жун махнул рукой:

— Цзилун — человек, которого господин Богуй прислал мне в помощь, так что мне, разумеется, не пристало лишний раз указывать ему. Разве не так, государь?

Лю Бэй слегка прикрыл глаза и улыбнулся в ответ.

Доспехи Чжао Юня были пропитаны дорожной пылью и гарью — он явился спешно, даже не сняв шлема.

Го Цзя небрежно прислонился плечом к дверному косяку; на его бледном лице застыла привычная, ленивая улыбка, легкая и едва заметная. В его глубоких глазах плескалась чистая гладь, отражавшая на миг промелькнувшую на лице Чжао Юня растерянность, а между бровей залегли невыразимые словами чувства.

Обороняя Бэхай и сталкиваясь с непрерывными день и ночь штурмами Гуань Хая, Кун Жун неоднократно порывался бросить город, но каждый раз Чжао Юнь сурово пресекал его попытки.

На войне не выбирают между жизнью и смертью, а вне поля боя оказываешься меж двух огней.

Тем не менее Чжао Юнь упорствовал, и на его лице никогда не отражалось и тени паники.

Он не отступил ни на шаг назад лишь потому, что верил в него — верил без всяких на то причин.

Однако, находясь от него на расстоянии вытянутой руки, Чжао Юнь без всякой видимой причины ощутил прилив паники.

Кратковременный трепет в глубине души.

Не оттого, что он наконец повстречал его,

А от страха больше никогда его не увидеть.

— Цзилун, — мягко улыбнулся Го Цзя.

Чжао Юнь быстрыми шагами подошел ближе и крепко прижал его к груди.

В каждом вдохе чувствовался густой запах крови от его доспехов. Го Цзя на секунду замер, а затем медленно закрыл глаза, прислонившись к плечу этого человека. Перед ним была обжигающая грудь, а за спиной — крепкие, надежные объятия.

Впрочем, это длилось лишь мгновение — столь мимолетное, что Го Цзя почти уверился, будто ему это просто показалось.

Чжао Юнь завел его в комнату, сменил окровавленные боевые доспехи на повседневную одежду и вышел наружу.

— Как это Фэнсяо умудрился одолжить войско у государя Лю?

Го Цзя ответил:

— Цзя сказал, что канцлер Кун из Бэхая безумно по нему соскучился. — Досказав, он лукаво усмехнулся.

Чжао Юнь вздохнул, а затем произнес уже серьезно:

— Фэнсяо, эта поездка была для тебя тяжелой.

Го Цзя склонил голову и опустил взгляд, а в уголках его глаз читалась небывалая нежность.

Армия Желтых повязок после поражения под Бэхаем спешила соединиться с Армией Черных Гор, но неожиданно была перехвачена армией Гунсунь Цзяня у Дунгуаннана. Остатки разбитого войска, столкнувшись с натиском Гунсунь Цзяня, тут же лишились голов более чем тридцати тысяч воинов.

Гуань Хаю оставалось лишь приказать бросить обозы и спастись бегством через реку. Однако в момент переправы стотысячное войско было рассечено Гунсунь Цзянем надвое, понесло новые потери, а семьдесят тысяч человек попали в плен.

После этой битвы имя Гунсунь Цзяня прогремело на всю округу Областей Цин и Цзи.

Веди войско обратно в уезд Цзи, Чжао Юнь попутно захватил с собой и Сюй Лу, который залечивал раны у Чжан Яня.

Стоило только переступить порог резиденции, как Го Цзя тут же исчез из виду. Уже несколько дней подряд он вел прежний образ жизни: ел, пил и грелся на солнышке.

Го Цзя лежал в кресле-качалке и, услышав приближающиеся шаги, даже не удосужился

открыть глаза:

— Какую награду пожаловал господин Богуй?

Чжао Юнь подошел к нему и заметил, что солнце уже клонится к закату, а этот человек так и не сдвинулся с места — судя по всему, пролежал так довольно долго.

— Почему ты до сих пор лежишь здесь? К вечеру поднимается ветер.

— М? — Го Цзя открыл глаза, все еще сонный и не до конца пробудившийся, и сильнее запахнул легкое покрывало. — То-то я думаю, почему во сне становится всё холоднее. А этот малец Сюй Лу даже не додумался позвать меня.

Чжао Юнь помог ему подняться на ноги:

— Ужин уже готов, пойдем.

Го Цзя бросил на него косой взгляд, уголки его губ едва заметно дрогнули. Этот человек ушел от ответа, а значит, у него на сердце были какие-то другие заботы.

За ужином все сидели в полном молчании, нарушаемом лишь тихим стуком палочек о чашки.

Сюй Лу бросил взгляд на Чэн И. Чэн И молча уплетал рис, закончил первым, отложил палочки и уже собирался заговорить, как Чжао Юнь прервал его на полуслове:

— Чэн И, Сюй Лу, ступайте пока вдвоем.

Сюй Лу только успел проглотить последний глоток супа, как тут же потащил за собой все еще вивавшего в облаках Чэн И прочь.

Го Цзя ел очень медленно: в его чашке оставалась еще добрая половина риса.

— Фэнсяо, если хочешь о чем-то спросить, спрашивай, — глядя на него, произнес Чжао Юнь.

Го Цзя покачал головой:

— Цзя уже спрашивал. Раз уж Цзилун не желает отвечать, то к чему мне спрашивать снова? — Опираясь на стол, он качнулся и поднялся на ноги. — Я устал, пойду прилягу.

Фитиль свечи затрепетал, издавая потрескивание, и во все стороны брызнули искры; капли

воска медленно потекли вниз, постепенно застывая неровными наплывами.

Тусклый желтоватый свет светильника обрисовал тоску на лице Чжао Юня. Лишь тихий вздох, подобный шепоту ночного ветра, затерялся и растворился в этой ночной мгле.

На следующий день небо было пасмурным, и в вышине то и дело раскатывались глухие удары грома.

— Братец Чжао, ты ищешь господина?

Сюй Лу занимался боевыми искусствами во дворе, сжав в руках пару лунных крюков, которые рассекали воздух со свистящим ветром.

— Его нет?

— Господин ушел со спозаранку.

Сюй Лу радовался, что встал рано, иначе он бы даже не знал, когда именно Го Цзя ушел.

Чжао Юнь посмотрел на плотно закрытую дверь:

— Почему ты не пошел вместе с ним?

Сюй Лу смахнул пот со лба:

— Господин не захотел брать меня с собой, сказал, что ходит туда и сразу вернется.

— Как давно он ушел?

— Чжао Цзилун!

Не успел Чжао Юнь договорить, как со двора донесся капризный девичий окрик, и в ворота вихрем ворвалась фигура в бирюзовых одеждах.

Сияя улыбкой, она без тени смущения обвила руку Чжао Юня своей и окликнула его:

— Цзилун.

Увидев эту внезапно ворвавшуюся девушку, Сюй Лу чуть не выронил глаза из орбит. Заикаясь,

он выдавил:

— Чжао... братец Чжао, я... если ничего срочного... я пойду. — С этими словами он умчался так быстро, что только пятки сверкнули.

Гунсунь Вань потрясла руку Чжао Юня:

— Цзилун, ты же вчера обещал составить мне компанию на прогулке.

— Четвертая госпожа, — Чжао Юнь отстранил ее руку.

Стоявшая перед ним девушка обладала бровями, подобными ивовым листьям, глазами чище луны и прелестным лицом. На ней было бирюзовое платье с запахом, а на поясе позвякивали нефритовые подвески.

Она смотрела на него с улыбкой, в которой сквозила ничем не прикрытая весенняя истома, открыто являя себя его взору.

— Не зови меня Четвертая госпожа, зови меня А-Вань, — с этими словами она вновь подалась вперед и зацепила его за локоть. — Пойдем, пойдем же, я покажу тебе уезд Цзи.

Неизвестно когда заморосил мелкий дождь. Чжао Юнь раскрыл зонт, в то время как шедшая рядом девушка была необычайно весела.

Награждая за заслуги, Гунсунь Цзань, как бы ни размышлял Чжао Юнь, осыпал его кучей пустых титулов, но на этом дело не закончилось — в придачу ему досталась еще и дочь.

Более того, доходили слухи, что эта самая Гунсунь Вань сама выпросила это у Гунсунь Цзаня. Сам же Гунсунь Цзань, даже бровью не поведя, все еще пребывал в эйфории от разгрома Армии Желтых повязок и брякнул одному из своих детей:

— Раз тебе нравится — делай как знаешь.

Чжао Юнь не стал говорить об этом Го Цзя, но после вчерашнего вечера у него появилось смутное предчувствие: тот человек, должно быть, обо всем догадался уже давным-давно.

Одаренный столь пронзительным умом, человек способен предугадать всё по малейшим крупитцам.

— Цзилун, это самое знаменитое в уезде Цзи вино Хунсу. Я давно хотела его отведать, да матушка не разрешала. Но раз сегодня со мной Цзилун, давай-ка выпьем по чашечке.

Они сидели у окна на втором этаже винного павильона.

Гунсунь Вань заказала целый стол разнообразных яств, но все ее внимание было приковано к двум запечатанным глиняным кувшинам с вином — ее глаза в этот момент буквально сияли.

Нефритовая чарочка, глоток отменного вина — еще не успев опуститься в горло, аромат уже вился на кончике носа.

Гунсунь Вань положила еду в тарелку Чжао Юня:

— Цзилун, хочешь узнать, когда я впервые тебя увидела?

Мысли Чжао Юня были встревожены. Дождь на улице усиливался; пробродив с Гунсунь Вань полдня, он сидел здесь, но в голове его крутилась лишь одна мысль: при таком ливне вернулся ли тот человек домой?

— Цзилун? — заметив, что он потерял нить разговора, Гунсунь Вань позвала его снова.

— Что?

Чжао Юнь повернулся к ней, и в этот момент в уголках его глаз внезапно мелькнул знакомый силуэт.

— На самом деле, когда ты впервые пришел повидаться с моим отцом, я уже заметила тебя. Я тогда подумала: из какого же рода этот военачальник? Поистине доблестный и несравненный, прекрасный и величественный...

Вино Хунсу — чистое и резкое на вкус.

Но в этот миг оно будто отравило все его мысли и душу.

На бледном лице того человека лежал румянец от хмеля. Его поддерживал за талию кто-то посторонний, шаги его были шаткими, а в руке покачивался недопитый кувшин с вином.

Чжао Юнь увидел, как он запрокинул голову, сделал глоток вина и слабо улыбнулся кому-то рядом.

Эта горькая улыбка мгновенно полоснула по глазам Чжао Юня.

Тот, кто обладает изощренным умом, неизменно страдает от него больше всех.

...

<http://bllate.org/book/19191/1884804>